

Игорь Шестков "Коломбо"

КОЛОМБО

Эта скверная история произошла с моим коллегой, художником, господином Зюссом, незаметным и тихим человеком, знатоком и собирателем старой немецкой графики и любителем природы Рудных гор.

Внешне Зюсс был так похож на актера Питера Фалька, исполнителя роли Коломбо, что его все и за глаза и в лицо звали Коломбо. И он на это не обижался. Как известно, Питер Фальк потерял еще в юности правый глаз и носил протез, а наш Коломбо был от рождения слегка косоглазым, что еще больше усиливало сходство с прославленным разоблачителем богатых и влиятельных убийц. Только характер у Зюсса был не такой, как у Коломбо, помягче, да и шевелюра подвела. Он был слегка лысеват, но фигура, черты лица, крабья походка... Даже его дурацкий автомобиль неизвестной мне марки напоминал машину киношного Коломбо – кабриолет Пежо пятидесятых годов. Познакомился я с Зюссом на одном из ежегодных собраний саксонского Союза Художников, дежурно скучном мероприятии не только в проклятом прошлом, на родине, за железным занавесом, но и в свободном мире. Во время мучительно долго длящегося финансового отчета нашего председателя Коломбо листал знакомую мне книгу Хартмута Бёме, посвященную критике различных интерпретаций знаменитой гравюры Дюрера «Меланхолия». После окончания доклада я подошел к нему и спросил, что он обо всем этом думает. Он сказал: Тогда, в начале шестнадцатого века эта гравюра не вызывала вопросов даже у дураков, а сейчас умнейшие головы не могут понять, что же на ней изображено и что все это значит. Магический квадрат, полиэдр, ангелок, поддувало...

Главная загадка «Меланхолии» именно в этом непонимании. В нас, а не в ней самой. Никакого тайного смысла эта гравюра не имеет.

Ответ этот мне очень понравился... мы разговорились.

Коломбо пригласил меня к себе в мастерскую, посмотреть его работы и коллекцию старинной графики. Я согласился. Сходил к нему, полюбовался на его цветастые ландшафты... на мой иронический вопрос – где же он видел подобные виды, не на Занзибаре ли, Коломбо не ответил, только смущенно

потутился. Пригласил его к себе.

Друзьями мы так и не стали, но время от времени встречались на различных выставках и изредка перезванивались.

И вот, некоторое время назад наши общие знакомые сообщили мне, что Зюсс задержан полицией. Идет расследование. Обвинялся он вроде бы в развратных действиях по отношению к несовершеннолетней. А затем мне позвонил его адвокат, вальяжный циник, богач и известный в нашем кругу ценитель современной графики, перед которым художники, внешне сохраняя маску недоступности и благородства, откровенно заискивали. Он попросил меня встретиться с ним и поговорить о задержанном, который «пребывает в крайне удрученном состоянии и нуждается в поддержке коллег».

Мы встретились в нашем артистическом кафе, украшенном африканской пластикой. Сидели за столиком под двумя огромными носорогами.

– Неужели он не может отбиться от такого абсурдного обвинения? Он скромный и порядочный человек!

– К сожалению его обвинение переквалифицировали на более тяжкое – изнасилование и убийство малолетней, – с непонятным мне удовлетворением объяснил адвокат, нежно поглаживая рукав пиджака своего дорогого английского костюма из голубоватой шерсти, и добавил всезнающе сардонически, – может быть, вам удастся уговорить его рассказать следствию правду и показать, где он спрятал тело потерпевшей. Это упростило бы процесс и настроило бы суд на смягчение приговора. А если он и дальше будет запирается, твердить, что он невиновен и болтать на допросах всякую чушь – получит пожизненное, и я ничего для него не смогу сделать. Даже на его психическую лабильность не смогу опереться в защите... Потому что экспертиза сочла его дееспособным и отвечающим за свои действия.

– Вы так уверены, что он виновен?

– Я ни в чем никогда не уверен. Я трезво оцениваю шансы на защиту. Господин Зюсс не идет на контакт. Он обиделся на весь мир и забаррикадировался. У него нет ни алиби, ни хоть каких-нибудь доказательств того, что он не совершал преступления.

– Я думал, это не его забота, что следствие должно доказать его вину... а не он

сам – свою невиновность.

– Формально это так, на деле – никому неохота разбираться в этой темной истории. Марать руки в детском окровавленном белье, испачканном чьей-то спермой. У следователя есть на руках улики... убедительные улики... Есть мотив – педофилия. Они проверили – ваш скромный и порядочный Коломбо не раз наслаждался в интернете детской порнографией. Другие участницы кружка подтвердили, что Зюсс часто обнимал предполагаемую жертву руками и уносил ее из студии, где они рисовали. Девочка пропала между двумя и тремя часами. А ваш дружок объявился в галерее – около восьми. Где же он всю вторую половину дня торчал? Прокурору есть на чем построить обвинение. А у меня нет ничего, кроме его рассказней про то, что он потерял сознание в галерее, а очнулся на горе.

– А что если предполагаемая жертва жива?

– Это было бы чудесно. Ваш друг должен как-то помочь ее найти... хотя бы указать возможные направления поиска... дети болтают, когда рисуют... может быть, она рассказывала подружкам, что хочет сбежать из дома... из такого дома я бы тоже сбежал, отца нет, мать инвалид и алкоголичка живет с каким-то арабом, приторговывающим наркотой... уехать в Индию или пожить в подвале у дружка... хоть что-нибудь... а так... полицейские ее по-настоящему и не искали. А в машине вашего скромняги нашли кровь... ее кровь... Куда он ее увез, где зарыл? Или в заброшенную шахту бросил? Он их всех наперечёт знает.

– Ужасы какие...

– Именно.

...

На следующий день я отправился в построенную еще до войны тюрьму города К., которую до сих пор видел только из окна Административного суда западной Саксонии. Там мне пришлось заверять документы для продажи моей ленинградской квартиры. Мрачное здание с маленькими зарешеченными окошками и небольшая, поросшая травкой, площадка для прогулок. Тюрьма была окружена тремя стенами, металлической, каменной и еще одной металлической... на них потенциальных беглецов ждали оголенные электропровода и густые заросли колючей проволоки...

В окошках маячили угрюмые лица заключенных. Некоторые странно гримасничали и как будто кричали, но никакие звуки не доносились из мертвого дома.

...

Адвокат провел меня в тюремную пристройку... угрюмое двухэтажное здание без окон. Мы прошли по полутемным коридорам, напомнившим мне подвалы психиатрических клиник из фильмов ужасов, неприветливые охранники закрыли за нами несколько стальных зарешеченных дверей... как же они скрежетали и лязгали!

Вошли в унылую комнату, стены которой были выкрашены бледно-зеленой краской. Окна не было, вместо него на стене висело треснувшее зеркало в безвкусной рамке. Старое, пожелтевшее местами и как будто кривое. В середине комнаты стоял простой стол с тремя стульями.

Сели. Молча ждали. Наконец ввели несчастного Коломбо. Выглядел он неважно... руки тряслись, глаза бегали как мыши. Руки – в наручниках. Адвокат попросил сопровождающего его охранника в зеленой униформе снять с него наручники. Тот отказался. Адвокат не расстроился, произнес нараспев несколько общих успокоительных фраз, похлопал Зюсса по плечу, пожелал нам хорошего дня, оттряхнул пыль с рукавов пиджака, сверкнул глазами и энергично удалился. Охранник сказал мне, что свидание не может длиться дольше часа, и ушел. Дверь за собой закрыл на ключ. Тяжелую железную дверь, тоже выкрашенную в бледно-зеленый цвет.

...

Мы сидели напротив друг друга. Коломбо обреченно смотрел в пол то выпучивая, то зажмуривая глаза, я заметил, что у него дрожат руки и губы. Я был растерян, потому что не знал, как можно поддержать коллегу, обвиняемого в изнасиловании и убийстве ребенка...

Проклятая комната наводила тоску. В зеркале мелькали чьи-то деформированные лица. Похожие на портреты Кокошки и Дикса. Неужели это я или Зюсс?

– Тебя что, тут пытаются?

– Нет, нет, что ты... Просто на меня все это действует удручающе... тюрьма,

камера, одиночество. И обвинение. Я потихоньку теряю себя. Привычная реальность, мой живописный «занзибар», ускользнула. Я не могу мечтать. Если я закрываю глаза, вижу перед собой всю ту же камеру. Грязные стены, исписанные заключенными, зарешеченное окно, которое нельзя открыть, железную койку и унитаз. Это теперь мой мир. Это теперь я.

Голос у него был такой, как будто он его несколько часов назад сорвал в крике...

Коломбо громко шептал, то и дело запинаясь, кашляя и судорожно всхлипывая.

– Я позвал тебя, потому что... мне никто не верит. Адвокат, следователи, прокурор... Скоро я и сам перестану верить себе. Даже друзья... все отвернулись... все осуждают... раз задержан – значит виноват. А ты – я чувствую... ты согласишься.

– Давай, друг. Говори. Я затем сюда и пришел, чтобы ты смог выговориться.

– Спасибо. Помнишь, я тебе с полгода назад рассказывал, что мне дали место в галерее Л.? Временный контракт. Там выставки, а с часу до пяти в студии при галерее – детский художественный кружок. Дети приходят обычно полвторого. А уходят полпятого. Рисуют, клеят, лепят...

Директор галереи, Андреас, ты его знаешь, ужасный придира и педант, провел со мной инструктаж. Самое главное, говорил, соблюдай правило: Ни при каких обстоятельствах не дотрагиваться до ребенка. Это – табу. Даже если хочешь показать, как нарисовать цветок – не бери ребенка за руку. Не гладь по головке. Не хлопай по плечу. Упаси бог дотронуться до груди, лобка или попки. Помни, жильцы соседних домов и прохожие смотрят через окна на то, что у нас происходит, завидуют, злятся, сплетничают, фотографируют и постоянно пишут на нас доносы. Этим тупицам мерзко само наше существование. Тебя посадят, меня оштрафуют, а галерею закроют...

Я обещал Андреасу, что никогда не прикаснусь ни к одному ребенку.

Детей обычно приходило немного – от трех до десяти. Шумели они жутко... но что поделаешь... дети. Восьми, девяти и десятилетние девочки. Исключением была одна Линда, ей было то ли двенадцать, то ли тринадцать. Длинная как жердь, костлявая, сильная, властная и наглая. Из-за нее я тут.

– Она?

– Да... она. Поверь мне, я ее не насиловал и не убивал. Разве я на такое

способен? Даже в мечтах такого никогда не делал. Эта Линда меня невзлюбила. С самого первого дня. Потому что я не позволял ей обижать других девочек и беситься. Линда рисовала спокойно только полчаса, иногда час или дольше. А потом – то ли у нее начинали нервы шалить, то ли черти в нее вселялись. Начинала обижать тех, кто послабее, кто не мог себя защитить. Отнимала краски и карандаши... портила рисунки... в волосы могла вцепиться или плюнуть в лицо. Однажды нарочно обварила горячим чаем руку крошке Люси, которой еще и восьми нет.

Бесилась как буйно помешанная. Плескала краску на стену. Лаяла, мяукала. Мастурбировала, не снимая брюк, стонала... приставала к другим девочкам. Дралась и кусалась... Несколько раз хватала меня за... И все это – нарочно, искусственно, холодно, с расчетом, без капли настоящего клинического безумия. Сознательно причиняла боль другим девочкам и пакостила в студии. После нее приходилось долго убираться, мыть, чистить...

Как же мне хотелось снять ей штаны и отхлестать ее по тощей заднице ремешком! Дать ее пару пощечин. Но я ее не трогал. Только ругал... орал... просил, умолял... даже полицию грозил вызвать... Никакого эффекта это не оказывало. Линда хохотала и строила мне рожи. Раскрывала пасть с огромными передними зубами и оттягивала пальцами веки.

Два месяца я терпел этот кошмар. Потом решил изменить свое поведение. И изменил. Как только Линда переставала рисовать и начинала проявлять агрессию, я хватал ее двумя руками, поднимал, нес к входной двери и вышвыривал из галереи. Разумеется, по возможности, не причиняя ей вреда. Она лягалась, бешено орала, но назад не просилась. Не пинала ногами дверь, окна камнями не била. Уходила куда-то. Когда я ее нес, мне казалось, что я несую огромного извивающегося удава.

Надо отдать ей должное, рисовала она лучше остальных девочек. Не только потому, что была старше других... а просто... у нее был врожденный талант. Ее рисунки и лепные фигурки я показывал на вернисажах гостям галереи. Хотя, если присмотреться – и в них можно было заметить ее агрессию и холодное безумие. На рисунке и в пластике – это интересно... добавляет выразительности, экспрессии, а в жизни...

Три недели назад мы лепили «охотника с собачкой в лесу».

Я своего охотника, собачку и два дерева вылепил еще дома. Получилось неплохо. Охотник был правда немного страшноват, с огромными усами и бровями, а собаку можно было перепутать с ланью. Ничего. Детям легче лепить, если у них перед носом – образец, готовая композиция.

Девочки мои увлеклись работой. И Линда – поначалу – тоже. Я отошел от них и открыл книгу. Минут сорок в галерее царил мир. Дети молча трудились, я читал. Благодать!

Но тут... у Линды опять начался припадок злобы. Она сплющила охотника Сузи. Затем сломала фигурки Люси. Бросила на пол мое творение и затоптала его ногами. Собачка отлетела в сторону и Люси ее подобрала. Линда отняла собачку у Люси и раздавила. Люси и Сузи заплакали. Я успокоил их, обещав восстановить их работы, и пошел по направлению к Линде, рыча, театрально вытянув вперед руки. Вроде как великан. Так я всегда делал, чтобы маленькие дети смеялись...

Линда однако мне не далась. Выбежала из студии. Я пошел за ней. А она... подбежала к первой же попавшейся картине Вилли, живопись которого мы тогда показывали в галерее, сорвала небольшой холст в подрамнике со стены и ловко бросила его в меня. Закрутила так, как закручивают летающую тарелку, фрисби. И попала мне в лоб.

Как будто тяжелым молотком ударила. Я потерял сознание. Произошло это примерно полтретьего.

А в себя я пришел – не в галерее, а на вершине Лисьей горы. В Чижиковом лесу. Около семи! Смеркалось уже. Я сидел на полуразвалившейся лавочке и смотрел на город. В двух шагах от нашего знаменитого обрыва. Там, где каменоломня. Если бы я туда свалился, меня бы и не нашли никогда.

Как я попал на Лисью гору, понятия не имею. Не знаю, где и как провел четыре с половиной часа. Время это как будто вырезано из моей жизни.

Спустился с горы, нашел автобусную остановку... В автобусе все смотрели на меня как на сумасшедшего. Грязный... кровь на лбу и шишка.

Одна старушка предложила помощь. После она меня опознала.

Вышел в Зонненберге, ты эту остановку знаешь. Между бывшим кинотеатром

МЕТРОПОЛИС и домом, где в сороковых годах людоед жил.

Машина моя все еще стояла на парковке у ЛИДЛа. Я заметил, что одно из боковых стекол разбито. Не совсем, а как будто кто-то выбил из него камнем небольшой треугольник.

Дверь в галерею была заперта. Кто ее запер? Когда?

Ключи от галереи я всегда ношу на шее. Другие ключи – только у Андреаса.

Значит – или я сам закрыл галерею или он. Больше никому.

Вошел. Вымыл лицо и руки. Осмотрел галерею. Все вроде в порядке. Только одна картина, та самая, валялась на полу. Я ее повесил на место... Заметил на паркете несколько пятен крови. Затер их мокрой тряпкой.

В студии – обычный хаос. Прибрался... Пропылесосил пол. Сел в кресло и мучительно напряг память... попытался вспомнить... что же произошло после того, как я отключился. Ничего не вспомнил.

Тут в галерею позвонили. Полиция! Оказывается, они уже тут были, но не стали ломать дверь и ушли.

Полицейские небрежно обыскали помещение, ничего не нашли... кроме того места, где я кровь затер... Светили синим светом, о чем-то между собой шептались, фотографировали... На улице, в нашем мусорном баке обнаружили какие-то тряпки. Осмотрели их и радостно закивали. Кровь. Задержали меня и отвезли в участок. Взяли у меня кровь на анализ. Допрашивали часа два, убеждали сознаться и рассказать, где я спрятал тело. А я не понимал, в чем я должен сознаться, какое тело... голова страшно болела. Я просил дать мне обезболивающего, но они не дали. Зачитали мне уже ночью какое-то постановление, заставили что-то подписать и привезли сюда.

С тех пор я разговаривал только с двумя следователями, адвокатом и вот сейчас говорю с тобой. Да, еще мама приезжала из Цвикау, привезла пирожные и теплое нижнее белье. На ночь меня приковывают к постели. Шнурки от ботинок забрали. Охранники обращаются со мной грубо, один сказал несколько дней назад: Мы тебя сегодня ночью удавим, детоубийца. А потом повесим на полотенце... все подумают, что ты сам удавился.

В моей машине обнаружили следы крови. Крови Линды. Теперь мне – конец.

Мне все равно. Я готов подписать любое признание. Но сам рассказывать ложь,

как я насиловал, убивал и тело прятал – не буду. Следователи возили меня три раза по окрестностям, водили по Чижикову лесу в наручниках... спрашивали – не могу ли вспомнить, где тело зарыл. Грозили подвергнуть лечению электрошоком. Орали. Невыносимо все это. Я, кажется, помешался. Вижу в сумерки в камере какую-то рогатую морду. А по ночам ко мне в камеру приходит Линда.

– Послушай, Коломбо, я ведь не прокурор, я на твоей стороне. Передо мной комедию разыгрывать не надо.

– А я не разыгрываю комедию. Мне, как видишь, не до шуток. Пожизненное светит. Приходит. Каждую ночь. Если не веришь – лучше уходи.

– Верю, верю. Как так «приходит»? Через дверь что ли?

– Нет, прямо из стены входит в камеру. Как привидение. Но она не привидение, она настоящая.

– Так... входит в камеру через стену. Настоящая. А почему ты охранника не позвал?

– Я пытался, но она в воздух дунула, и я застыл как статуя. Не мог ни рукой, ни ногой пошевелить, ни словечка произнести...

– И что же она в твоей камере делает?

– Иногда – в синицу превращается и начинает по камере летать... а иногда раздевается и...

В этот момент в комнату вошел охранник и объявил тоном, не допускающим возражений: Свидание закончено.

Меня препроводили к выходу.

...

Разумеется, я не поверил Коломбо.

Все то, что произошло с Коломбо до удара картиной по голове – скорее всего было правдой. Мне приходилось работать с детьми, и я знаю, что в любом детском коллективе есть своя Линда. И то, что Коломбо очнулся вечером на Лисьей горе, – маловероятно, но возможно, чего не бывает!

Но появление Линды в тюремной камере... синица... все это было похоже на бред отчаявшегося человека.

Что же все-таки произошло после того, как Коломбо потерял сознание?

Откуда в мусорном баке появились тряпки со следами крови?

Кровь в автомобиле?

Трудно себе представить, что Коломбо зарезал девочку, а потом снял с нее одежду и, вместо того, чтобы избавиться от нее, бросил в мусорный бак, прекрасно зная, что ее там тут же найдут. Мог бы где-нибудь сжечь одежду или зарыть...

Итак... пофантазируем... Коломбо сознание не потерял, а схватил Линду, изнасиловал и зарезал. Потом зачем-то сорвал с нее запачканную кровью и спермой одежду, отнес ее на улицу и бросил в мусорный бак, а голое тело увез на машине в Рудные горы и где-то коварно закопал. Для полного счастья, испачкав сидение машины кровью...

Все это ухитрился сделать так быстро, тихо и скрытно, что дети в студии и любопытные соседи ничего не заметили, ничего не услышали. Приехал назад в галерею, отпустил детей. Поставил машину на стоянку. Кровь на сидении вытирать не стал. Побежал в аффекте к Лисьей горе. Забрался на вершину, сел на лавочку, заснул и проснулся около семи. Из-за уколов совести вытеснил из памяти страшное событие. Но совесть не унималась! И мертвая Линда ожила и стала приходить к нему в камеру, летать по ней синицей, раздеваться и пугать его рогатой мордой. Очень правдоподобно!

...

На следующий день опять позвонил адвокат.

– У меня есть идея. А не сходить ли вам к матери Линды? Поговорить с ней?

– Может быть, лучше вдвоем сходим. Имеете вы на подобные беседы право?

– Да, но лучше будет, если вы пойдете один. Я ей позвоню, представлю вас как моего помощника, договорюсь о времени встречи и перезвоню вам. Согласны?

– Согласен.

– Как вы нашли моего подзащитного?

– Он не виновен. Галлюцинирует и психует от тоски и одиночества.

– Он вам рассказал про синицу?

– Рассказал.

– А про рогатую ведьму?

...

Мы встретились с адвокатом у дома, где жила Линда.

Адвокат посмотрел на меня неожиданно колюче и сказал: Я читал протоколы бесед матери Линды со следователями. Что-то она скрывает. Дурочкой прикидывается. Мол – с меня какой спрос, я инвалид. Будьте осторожны, не злите ее. Постарайтесь как можно больше узнать о Линде. Может быть, она проговорится... и невольно подскажет нам, где искать девочку... или ее труп.

– Вы упоминали какого-то араба. Поговорить с ним?

– С ним будьте еще осторожнее. На него в полиции – досье. Почему-то его не арестовывают... жернова Фемиды мельт медленно. Не забывайте... в современной политической ситуации... следствию в десять раз легче обвинить в изнасиловании и убийстве малолетней и осудить немца, чем беженца из Сирии.

– Вы это серьезно?

– Очень серьезно.

– Понял.

...

Адвокат уехал на своем черном МЕРСе. А я позвонил, нажал на ржавую кнопку.

Мне открыли только после десятого звонка. Я поднялся пешком на пятый этаж по давно не мытым лестницам, украшенным окурками, использованными презервативами и пустыми пивными банками. По дороге слышал истеричный лай какой-то собачонки, непристойную ругань, стоны космического оргазма, музыку неонацистов и адские завывания циркулярной пилы.

Рядом с открытой дверью стояла, опираясь на костыль, полная женщина с ужасными, покрытыми язвами опухшими ногами. Пахла она потом и перегаром. Недоверчиво и зло смотрела на меня поросычьими глазками. Я представился. Показал для важности членский билет Союза художников. Женщина, назвавшая себя Хайди, помусолила билет в своих жирных руках и отдала его мне с такой гримасой... как будто это был не билет, а только что вырезанный из живота аппендикс.

Мы прошли в гостиную, я сел на нечистый диван с торчащей из него пружиной. Хозяйка дома уселась в кресле напротив. Из соседней комнаты доносилась арабская музыка и ритмичные женские стоны. Пахло сладким дурманом. Я

вспомнил наставления адвоката и начал беседу издалека.

– Хорошая погода сегодня!

– Что?

– Хорошая, говорю, погода. Это подарок – такой теплый октябрь. Листики желтые и красные. Вы из дома-то выходите?

– Что?

– Может быть, мне сходить в магазин, купить вам чего-нибудь?

– Не надо. Уходите поскорее.

– Не могли бы вы что-нибудь рассказать о вашей пропавшей дочери? Что она любила есть? Какие книги читала? Были ли у нее друзья?

– Зачем вам?

– Чтобы понять, что она за человек.

– Какой такой человек. Она пацанка. Книги? Книг у нас нету. Нам не до книг.

– Есть у вас компьютер?

– Издеваетесь? Пора вам убираться.

– Может быть, вы мне хотя бы комнату ее покажете?

– Нет у нас детской комнаты. Только спальня, гостиная и кухня. Линда тут, на диване спит. Какое вам до всего этого дело? Разнюхивать пришли?

– Спит? Можно мне только краешком глаза заглянуть в спальню?

– Нельзя. Там мой друг. Он не любит посторонних. Катись, или он сделает тебе козью морду.

– А кто стонет?

– Телевизор.

Я понял, что разговор никакого результата не принесет. Встал, поклонился...

сделал вид, что направляюсь к выходу, а сам быстро приоткрыл дверь в спальню и заглянул в нее. Хайди истошно завизжала и попыталась треснуть меня костылем по голове.

Я увернулся, а затем быстро покинул квартиру на пятом этаже. Побежал, рискуя жизнью, по поганой лестнице вниз. За мной следом несся визг Хайди. На втором этаже хозяева выпустили собачку на лестницу... и гнусная эта тварь вцепилась зубами мне в икру. Я отодрал от себя собаку и изо всех сил швырнул ее в стену. Вылетел из подъезда как жаворонок из клетки и побежал домой.

Рана оказалась неглубокой. Залил ее перекисью водорода.

После этого позвонил в полицию.

Когда полиция ворвалась в квартиру Хайди, мертвецки пьяная хозяйка дома все еще сидела в кресле. Рядом с ней лежала пустая бумажная упаковка крепленого красного вина. В спальне ее до невменяемости обкурившийся друг продолжал трахать раком «изнасилованную и убитую» Линду. Линда стонала как морской котик, а когда ее оторвали от любовника – злобно вцепилась в волосы полицейскому и плюнула ему в лицо.

...

Коломбо выпустили из тюрьмы только через неделю.

Следующие полгода он провел в психиатрическом стационаре. Из галереи уволился. Поклялся больше никогда не работать с детьми.

Посещение страниц с детской порнографией – оказалось фейком, позже признанным «непростительной ошибкой» несмотря на то, что уличивший Коломбо полицейский информатик упрямо утверждал, что никакой ошибки не было, и ссылался на данные провайдера...

Испачканное менструальной кровью Линды нижнее белье бросила в мусорный бак ее мать. Как она уверяла, «случайно, в состоянии алкогольного опьянения». Что случилось после того, как Коломбо потерял сознание в галерее и до того, как он очнулся на Лисьей горе – так и осталось невыясненным.

Девочки из кружка показали, что Коломбо пошел за Линдой и больше в студию не заходил. Они услышали его глухой стон, заглянули в зал, увидели лежащего на полу окровавленного Зюсса, испугались и убежали. Люси рассказала все дома матери, та позвонила в полицию.

Позже Коломбо говорил мне, что он в это потерянное время летал на шабаш ведьм и видел там дюреровскую Меланхолию, целующую в зад Большого Черного Козла.

А у меня появилась новая версия. Кто-то притащил бесчувственного Коломбо на гору и хотел сбросить с обрыва, но в последний момент не решился совершить убийство. Уверен, что это был араб. Но идея наверняка принадлежала Линде. Также как и идея впрыснуть в салон автомобиля Зюсса через дырку на боковом стекле несколько капель ее крови.

Дружка матери Линды не осудили. За что? Девочке уже исполнилось тринадцать и она смогла убедить судью в том, что отдалась арабу добровольно. И с согласия матери.

...

Когда все улеглось и даже начало забываться, мне снова позвонил вальяжный адвокат. Я-то думал, что его заинтересовала моя новая графическая серия, которую как раз тогда показывала переехавшая в новое помещение галерея Л.. Но действительность, как всегда, обманула. После короткого обмена любезностями адвокат промурлыкал: Боюсь, ваш Коломбо вас надул. На самом деле все было вовсе не так, как вы вероятно думаете... Разглашать подробности я не имею права. Но для вас, так и быть, сделаю исключение...